

Вопросы философии и психологии

Книга 108

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
В74

В74 Вопросы философии и психологии: Книга 108 / – М.: Книга по Требованию,
2021. – 278 с.

ISBN 978-5-458-04756-2

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04756-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

О пессимистическомъ міровоззрѣніи.

I.

Я намѣренъ въ рядѣ статей подвергнуть обстоятельному разсмотрѣнію *вопросъ о цѣнности жизни*. Я нисколько не скрываю отъ себя всей трудности и сложности этого вопроса. Дѣло идетъ не болѣе и не менѣе, какъ о томъ, чтобы разобраться въ основахъ нравственнаго міровоззрѣнія, высказать опредѣленные сужденія о конечныхъ проблемахъ этики. Задача эта въ высшей степени отвѣтственна, но она въ тоже время принадлежитъ къ числу тѣхъ, отъ которыхъ почти немислимо уклониться каждому, кто занимается специально вопросами права и обществовѣдѣнія. Мнѣ лично съ давнихъ поръ приходится серьезно думать о подобныхъ проблемахъ и искать ихъ посильнаго рѣшенія, которое легло бы въ основу моихъ соображеній по болѣе частнымъ вопросамъ общественныхъ наукъ. Въ результатѣ моихъ изысканій въ этой области уже возникъ рядъ статей по этическимъ вопросамъ, составившихъ затѣмъ два сборника. Первый изъ этихъ сборниковъ—„Этюды по современной этикѣ“—появился въ 1908 году, второй—„Нравственная личность и общество“—вышелъ изъ печати въ 1911 году. Но въ этихъ сборникахъ статей основная проблема о цѣнности жизни затрогивается только мимоходомъ и не подвергнута систематической разработкѣ. Между тѣмъ у меня успѣло сложиться опредѣленное представленіе о томъ пути, по которому надлежитъ идти при разрѣшеніи этой проблемы. Вотъ почему я и рѣшаюсь въ рядѣ статей, которыя бу-

дуть стоять въ тѣсной связи одна съ другой и впоследствии будутъ обращены въ главы отдѣльной книги, систематически заняться указанной основной этической проблемой.

Какъ уже было установлено мною въ публичной лекціи подъ заглавіемъ „Чего не можетъ намъ дать научное знаніе?“ (вошла въ сборникъ „Нравственная личность и общество“), вопросъ о цѣнности жизни принадлежитъ къ числу проблемъ, находящихся на рубежѣ между философіей и религіей. Не однимъ только знаніемъ рѣшается этотъ вопросъ, если понимать подъ знаніемъ совокупность научно установленныхъ истинъ, но и живущимъ въ насъ мистическимъ элементомъ, вѣрой. Не будучи однако богословомъ по подготовкѣ, я не берусь за чисто религіозную сторону проблемы; въ частности, я не намѣренъ заниматься изслѣдованіемъ и толкованіемъ религіознаго преданія и догматовъ положительныхъ религій. Я буду оставаться на почвѣ исключительно общепhilosophическихъ разсужденій, хотя, конечно, въ самой постановкѣ вопроса существенно разойдусь со многими модными въ наше время теченіями философской мысли. Именно, я твердо убѣжденъ, что философія, если она ставитъ своей задачей обоснованіе нравственнаго міровоззрѣнія, не можетъ держаться силами одного только рачіонализма. Этимъ я не хочу, конечно, сказать, что философъ въ своихъ изысканіяхъ можетъ идти какимъ-либо инымъ путемъ, кромѣ логическаго анализа и логической аргументаціи. Моя мысль состоитъ въ томъ, что *строгое логическое разсужденіе въ данной области неизбежно должно привести насъ къ признанію определенныхъ границъ рачіонализма и къ убѣжденію въ недостаточности эмпирическихъ данныхъ и логическаго мышленія для разрѣшенія поставленнаго вопроса о цѣнности жизни*. Мы не въ состояніи удовлетворительно объяснить окружающій насъ міръ, членами котораго мы всѣ являемся, чисто логическими средствами. Въ мірѣ слишкомъ много элементовъ ирраціональных для того, чтобы онъ могъ сполна и адекватно уложиться въ узкія рамки логи-

ческихъ формуль. И притомъ, какъ разъ въ области вопроса о добрѣ и злѣ и о цѣнности жизни, эти ирраціональныя стороны бытія получаютъ рѣшающее значеніе. Поэтому въ этой области или все останется на вѣки неяснымъ и непонятнымъ для насъ, или же мы должны открыто признать здѣсь компетентность иныхъ источниковъ познанія, кромѣ тѣхъ, которые въ наукѣ извѣстны подъ именемъ опыта и логическаго мышленія. При такой постановкѣ вопроса я стою, въ общемъ, на той же почвѣ, на которой стоятъ такіе видные представители современной философской мысли, какъ Бергсонъ и Джемсъ, сочиненія которыхъ въ значительной степени содѣйствовали укрѣпленію моихъ взглядовъ. Но самые взгляды начали у меня складываться независимо отъ этихъ мыслителей и потому мои выводы не примыкаютъ цѣликомъ ни къ тому, ни къ другому изъ нихъ. Между прочимъ, я думаю, что стою отъ нихъ не въ большей зависимости, чѣмъ отъ Канта, въ твореніяхъ котораго я нахожу большое подкрѣпленіе сложившихся у меня соображеній о правильной постановкѣ этической проблемы. Много родственнаго нахожу я затѣмъ у представителей спеціально русской мысли, и притомъ не только у философовъ, вродѣ Вл. Соловьева, но и у такихъ художниковъ, какъ нашъ безсмертный Достоевскій.

Такимъ образомъ, моя основная идея состоитъ въ томъ, что въ области нравственнаго міровоззрѣнія логическій анализъ даваемого самою жизнью матеріала неизбежно приводитъ насъ къ установленію естественныхъ границъ научнаго знанія и раціоналистическаго мышленія и заставляетъ признать правомѣрность въ этой области иныхъ источниковъ знанія, а именно, пользуясь терминологіей Канта, *разума практическаго*, который во многомъ и весьма существенномъ отличается отъ разума спекулятивнаго или теоретическаго. Средствами логическаго мышленія мы должны разбираться не только въ данныхъ внѣшняго опыта и общепсихологическаго наблюденія, на которыхъ строится наука въ обычномъ ея пониманіи, но и въ данныхъ

опыта сверхчувственного, религіознаго, въ данныхъ практическаго разума, насколько окажется возможнымъ претворить показанія этихъ источниковъ въ логическія формулы. Многое при этомъ окажется съ логической точки зрѣнія необъяснимымъ и передъ этимъ результатомъ придется преклониться логическому мышленію. Рационализму придется признать, что наша человѣческая логика неадекватна міру, что логическій разумъ безсиленъ вполне постигнуть его тайну и что человѣчество живетъ не однимъ научнымъ знаніемъ, но и вѣрой. Такъ оно жило до сихъ поръ, такъ будетъ жить и впослѣдствіи. Такой выводъ вытекаетъ изъ безпристрастнаго анализа человѣческой ограниченной природы. Говоря словами Канта, только такое положеніе соответствуетъ общему положенію человѣка во вселенной: человѣкъ вѣдь является здѣсь не господиномъ и не творцомъ, но только тварью. „Хотя мы и законодательные члены царства нравственности, говоритъ Кантъ, возможнаго благодаря свободѣ и заповѣданнаго намъ практическимъ разумомъ, но мы въ тоже время подданные, а не владыки его: непринятіе этой нашей низшей ступени, какъ тварей, и возстаніе сомнѣнія противъ величія святаго закона, есть уже уклоненіе отъ него по духу, хотя бы буква его была выполнена“ ¹⁾

Въ связи съ такимъ расширеніемъ источниковъ нравственнаго познанія расширяется и понятіе *разумности*, съ которымъ намъ постоянно придется оперировать въ дальнѣйшемъ изложеніи. Подъ этимъ словомъ въ области этики придется понимать не одну только силу логическаго анализа, но всю ту мощь духовнаго начала, которая поднимаетъ человѣка надъ всѣмъ остальнымъ извѣстнымъ намъ міромъ живыхъ существъ и которая дѣлаетъ человѣка носителемъ нравственнаго закона въ эмпирическомъ мірѣ. Подробнѣе эта мысль будетъ выяснена въ послѣдующихъ статьяхъ.

¹⁾ Kant, Kritik der prakt. Vern. (Vorländer), 107.

Я начинаю свои изысканія съ такъ называемаго пессимизма. Не будучи самъ сторонникомъ этого міровоззрѣнія, я считаю необходимымъ свести воедино основанія пессимистическаго пониманія міра, содержащіяся въ трудахъ наиболѣе видныхъ представителей этого направленія чело-вѣческой мысли, для того, чтобы мнѣ легче было считаться съ ними въ дальнѣйшихъ статьяхъ, гдѣ мнѣ придется обосновывать собственную точку зрѣнія. Я не имѣю въ виду дать полный и всесторонній обзоръ даже самыхъ значительныхъ пессимистическихъ системъ. Не гонясь за исторической полнотою, я стараюсь въ дальнѣйшемъ очеркѣ въ систематической формѣ представить тѣ аргументы въ пользу пессимистическаго міропониманія, которые мнѣ представляются наиболѣе существенными и которые я почерпаю у различныхъ представителей этого направленія. Я, конечно, хорошо знаю, что пессимисты далеко не согласны между собою въ отдѣльныхъ вопросахъ и иногда расходятся по весьма существеннымъ пунктамъ. Но есть въ ихъ ученіяхъ и извѣстныя общія черты и вотъ эти то общія черты я и стараюсь, по возможности, объективно свести во едино въ дальнѣйшемъ очеркѣ пессимистическаго міровоззрѣнія.

Прежде всего надлежитъ условиться о томъ, что мы понимаемъ подъ именемъ *пессимизма*. Я думаю, что наиболѣе правильнымъ опредѣленіемъ было бы слѣдующее. *Пессимистическимъ является то міровоззрѣніе, которое въ отрицательномъ смыслѣ рѣшаетъ вопросъ о цѣнности бытія вообще или о цѣнности жизни въ частности.* Это опредѣленіе достаточно широко, чтобы покрыть собою всѣ разновидности пессимизма. Что же касается этихъ разновидностей, то, на мой взглядъ, ихъ можно свести къ двумъ основнымъ группамъ, отличающимся другъ отъ друга тѣмъ, какой критерій полагается въ основу самой цѣнности бытія или жизни. Если мыслитель отправляется при рѣшеніи вопроса отъ идеи счастья и смотритъ на міръ съ точки зрѣнія, возможно ли и достижимо ли въ мірѣ счастье для живыхъ существъ, то, при отрицатель-

номъ рѣшеніи вопроса, мы получаемъ тотъ типъ пессимизма, который можно бы было назвать пессимизмомъ *эвдемонистическимъ*. Если же философъ ставитъ выше всего моральную оцѣнку и рассуждаетъ о мірѣ съ той точки зрѣнія, возможно ли и осуществимо ли въ немъ нравственное добро, то, въ случаѣ отрицательнаго отвѣта, мы имѣемъ дѣло съ пессимизмомъ *моральнымъ*. Конечно, эти два направленія могутъ совмѣщаться и на самомъ дѣлѣ часто совмѣщаются, хотя могутъ находить для себя и отдѣльныхъ представителей. Для большей ясности изложенія мы рассмотримъ въ дальнѣйшемъ отдѣльно основные аргументы въ пользу пессимизма какъ перваго, такъ и втораго типа, причемъ начнемъ съ пессимизма эвдемонистическаго.

II.

Основнымъ положеніемъ *эвдемонистическаго пессимизма* является утвержденіе, что *человѣкъ неудержимо стремится къ счастью, которое однако оказывается для него совершенно недостижимымъ*. Отсюда дѣлается выводъ, что жизнь не имѣетъ никакой положительной цѣнности и что ея дорожить не приходится.

Что касается перваго положенія, то оно обыкновенно, не доказывается. Стремленіе человѣка къ счастью предполагается истиной, не нуждающейся ни въ какихъ дальнѣйшихъ аргументахъ. Самое же счастье представителямъ пессимистическаго міровоззрѣнія обычно рисуется въ видѣ состоянія невозмутимаго *покоя и довольства*. Шопенгауэръ, проповѣдующій погруженіе въ нирвану, неустанно повторяетъ о необходимости „квіетивовъ“ для страждущей воли къ жизни и выставляетъ совершенно опредѣленный тезисъ: „безъ покоя немыслимо никакое истинное благосостояніе“ ¹⁾. Точно также и Леопарди постоянно жалуется на то, что человѣкъ никогда не находитъ себѣ покоя; прочитайте хотя бы тѣ мольбы, которыя въ извѣстномъ діа-

¹⁾ *Schopenhauer, Die Welt als Wille und Vorstellung, I* § 38.

логъ Исландецъ адресуетъ природѣ; между тѣмъ, по мнѣнію Леопарди, „естественное состояніе всѣхъ животныхъ (за исключеніемъ птицъ), въ томъ числѣ и человѣка, есть покой“ ¹⁾).

Вторымъ тезисомъ пессимизма является утвержденіе, что счастье для человѣка недостижимо и что всѣ надежды на счастье оказываются обманчивыми иллюзіями. Въ пользу этого тезиса приводится рядъ самыхъ разнообразныхъ аргументовъ.

Шопенгауэръ выступаетъ со своимъ извѣстнымъ положеніемъ, что вообще въ жизни человѣка *только страданіе является положительнымъ элементомъ*; что же касается удовлетворенія или счастья, то оно имѣетъ лишь отрицательное значеніе. „Удовлетвореніе или счастье не можетъ быть чѣмъ-либо бѣльшимъ, какъ освобожденіемъ отъ страданія, отъ нужды: ибо къ категоріи нужды относится не только всякое дѣйствительное, очевидное страданіе, но и каждое желаніе, настойчивость котораго нарушаетъ нашъ покой, и даже убійственная скука, которая дѣлаетъ намъ бытіе въ тягость“ ²⁾). „Основа всякаго воленія есть потребность, нужда, слѣдовательно, страданіе, въ жертву которому человѣкъ отданъ съ самаго начала и по самой природѣ своей“ ³⁾). „Всякое стремленіе возникаетъ изъ нужды, изъ недовольства своимъ положеніемъ и есть, слѣдовательно, страданіе, пока оно неудовлетворено“ ⁴⁾). Удовлетвореніе же Шопенгауэръ считаетъ невозможнымъ. „Никакое удовлетвореніе не является длительнымъ; скорѣе оно постоянно оказывается только отправнымъ пунктомъ для новаго стремленія“ ⁵⁾). „Желаніе есть, по своей природѣ, страданіе: достиженіе быстро приводитъ къ насыщенію: цѣль была только мнимой; обладаніе отнимаетъ всю прелесть;

¹⁾ *Leopardi*, *Elogio degli uccelli*.

²⁾ *Schopenhauer*, *op. cit.* I § 58.

³⁾ *Schopenhauer*, *op. cit.* I § 57.

⁴⁾ *Schopenhauer*, *op. cit.* I § 56.

⁵⁾ *Schopenhauer*, *op. cit.* I § 56.

въ новомъ видѣ возникаетъ опять желаніе, потребность“ ¹⁾. У Леопарди мы находимъ слѣдующую характеристику счастья ²⁾. „Никто не знаетъ его на практикѣ, но только въ теоріи; ибо удовольствіе есть спекулятивное понятіе, а не реальный объектъ, наше пожеланіе, а не фактъ, чувство, которое человѣкъ создаетъ въ мысляхъ, но не испытываетъ, лучше сказать, понятіе, а не чувство. Развѣ вы не замѣчаете, что въ то самое время, когда вы получаете удовольствіе, къ которому безмѣрно стремились и котораго достигли съ неописуемыми трудами и лишеніями, вы, не будучи довольны наслажденіемъ, доставляемымъ моментомъ, постоянно ожидаете наслажденія большаго и болѣе истиннаго, въ которомъ, въ концѣ концовъ, и должно состоять ваше счастье; вы живете, какъ бы постоянно прибѣгая къ будущимъ состояніямъ того-же самаго наслажденія. Наслажденіе кончается почти всецѣло, какъ только вы достигнете удовлетворенія; оно не оставляетъ вамъ иного блага, какъ слѣпую надежду наслаждаться лучше и болѣе истинно при другомъ случаѣ, и утѣшеніе воображать и рассказывать о минувшемъ наслажденіи себѣ самимъ и другимъ людямъ не изъ пустого тщеславія, но чтобы убѣдить себя самихъ въ томъ, что вы желали бы сдѣлать для себя. Поэтому, кто соглашается жить, тотъ дѣлаетъ это въ сущности ни съ какимъ инымъ результатомъ и ни съ какой иной выгодой, какъ погрузиться въ грезы, т.-е. вѣрить въ возможность будущаго или прошедшаго счастья; и то и другое лживо и фантастично“.

Не всѣ пессимисты принимаютъ эту теорію Шопенгауэра о томъ, что только страданіе составляетъ положительный элементъ жизни, а удовольствіе сводится лишь къ отсутствію страданій. Такъ, Эд. фонъ Гартманнъ ³⁾ считаетъ и удовольствіе, и страданіе одинаково реальными данными. Дѣло въ томъ, что не всякое удовольствіе состоитъ только въ

¹⁾ *Schopenhauer*, op. cit. I. § 57.

²⁾ *Leopardi*, Dialogo del Torquato Tasso e del suo genio familiare.

³⁾ *Hartmann*, Philosophie des Unbewussten (11-е изд.). т. II, 295 слл., 350 сл

уменьшеніи или уничтоженіи страданій; есть такія удовольствія, которыя возникаютъ безъ предшествующихъ страданій, каковы наслажденія наукой, искусствомъ и т. п. Но въ практическихъ выводахъ и Гартманъ сходитсѣ съ Шопенгауэромъ; психологическій анализъ убѣждаетъ его, что *сила страданія для человека гораздо больше силы наслажденія*. Утомленіе нервной системы уменьшаетъ и уничтожаетъ каждое удовольствіе и усиливаетъ каждое страданіе. Удовольствіе, получающееся отъ прекращенія страданія, никогда не можетъ уравнивать самое это страданіе. Страданіе непосредственно навязывается сознанію, тогда какъ удовольствіе должно быть еще подмѣчено сознаніемъ, чтобы произвести свой эффектъ. Удовлетвореніе всегда кратко, тогда какъ страданія длительны. Равныя количества страданій и наслажденій не компенсируются, но всегда получается избытокъ страданій.

Эти выводы Гартманна какъ будто подтверждаются во многомъ наблюденіями послѣдующихъ психологовъ. Такъ, Арнольдъ Ковалевскій въ спеціальному изслѣдованіи по психологіи пессимизма ¹⁾ приходитъ къ слѣдующимъ результатамъ. Опытъ показываетъ, что у людей обыкновенно грустныя настроенія преобладаютъ надъ бодрыми и веселыми приблизительно въ пропорціи 3:2. Это доказывается матеріаломъ дневниковъ, наблюденіями за темпомъ походки и спеціально поставленными экспериментами. Сновидѣнія также имѣютъ по большей части непріятный характеръ и въ этомъ смыслѣ вліяютъ на настроеніе. При наличности грустнаго настроенія все вообще воспринимается въ грустномъ тонѣ. А такъ какъ люди живутъ главнымъ образомъ настроеніями, а не сознательнымъ анализомъ, то уже это явленіе составляетъ благопріятную почву для пессимизма. — Далѣе, опыты надъ вкусомъ и обоняніемъ показываютъ, что различія въ области пріятныхъ ощущеній воспринимаются людьми болѣе тонко, чѣмъ различія въ области непріят-

¹⁾ А. Kowalewski, Studien zur Psychologie des Pessimismus (1904).

ныхъ чувствъ. Непріятныя чувства съ большей силой вступаютъ въ сознаніе и для ихъ компенсаціи требуется соотвѣтственно большій процентъ пріятныхъ ощущеній. Въ связи съ этимъ стоитъ явленіе, что возбудители непріятныхъ чувствъ оказываются для людей въ гораздо большей степени общими, чѣмъ возбудители пріятныхъ эмоцій. Люди легко сходятся въ страданіяхъ и страдаютъ отъ однихъ и тѣхъ же причинъ. Но они весьма расходятся въ удовольствіяхъ и въ этомъ отношеніи подобрать подходящій возбудитель труднѣе. Такъ, напримѣръ, любителю музыки далеко не всякая музыка, даже объективно хорошая, доставляетъ удовольствіе; и эта разборчивость къ удовольствіямъ возрастаетъ по мѣрѣ культурнаго развитія.— Наполняющая время сила страданій больше, чѣмъ сила наслажденій. При непріятныхъ эмоціяхъ пульсъ ускоряется, а потому теченіе времени при нихъ представляется замедленнымъ. Сверхъ того, отъ этихъ эмоцій наше сознаніе старается освободиться и это также усиливаетъ субъективное ощущеніе медленнаго теченія времени. Напротивъ, чувство пріятнаго скоро насыщается и переходитъ въ состояніе безразличія или даже въ чувство непріятнаго.

Такимъ образомъ, повидимому, стремленія сами по себѣ составляютъ страданіе и зло, а удовлетвореніе эфемерно и призрачно. Но и освобожденіе отъ стремленій мало доступно человѣку. Если у человѣка нѣтъ желаній, то онъ становится жертвой *скуки*, которая сама по себѣ составляетъ великое страданіе. Шопенгауэръ и Леопарди не жалѣютъ красокъ для характеристики отрицательнаго значенія скуки въ жизни человѣка. „Скука—далеко не мало-важное зло; она въ концѣ-концовъ налагаетъ на лицо печать истиннаго отчаянія“ ¹⁾. „Только скука, которая всегда рождается изъ суетности вещей, сама не есть суетность или обманъ; она никогда не основывается на ложномъ. Можно сказать, что въ то время, какъ все остальное ока-

¹⁾ Schopenhauer, I § 57.